

УДК 94(47+57)''1917/1991''

**ИСТОРИК И ВОЖДЬ: ЖИЗНЕННЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ В УСЛОВИЯХ СТАЛИНИЗМА¹*****А. Б. Цфасман***18055, Германия, Росток, Лессингштрассе, 21
arbenc@mail.ru

Рассматривается одна из важнейших сторон жизни и творчества академика Е. В. Тарле в 1930-е – середине 1950-х гг. – взаимоотношения ученого и тоталитарно-коммунистического режима, включая самого Сталина. Прослеживается, как под влиянием запугивания, «милоостей» и давления власти происходила деформация научного творчества ученого.

Ключевые слова: Л. Кертман, Е. Тарле, И. Сталин, «Академическое дело», Наполеон, «борьба с безродными космополитами».

Вместо предисловия

Встречи с Е. В. Тарле сыграли немаловажную роль в научной судьбе Л. Е. Кертмана. Первая из них состоялась еще тогда, когда Лев Кертман был студентом Киевского университета, того самого, который некогда закончил и в котором начиналось научное восхождение будущего знаменитого академика. Она утвердила студента Кертмана в стремлении стать ученым-историком. Вторая встреча произошла во время Отечественной войны в г. Казани, где находился в эвакуации Е. В. Тарле и где оказался раненый фронтовик Лев Кертман. Здесь он в короткий срок под руководством Е. Тарле подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, открывшую ему путь в большую науку.

Лев Ефимович не раз вспоминал и рассказывал о Е. В. Тарле во время наших бесед в мои аспирантские годы (1961–1964) и последующих нередких встреч и общений в Перми, Москве и других городах. Один из особенно запомнившихся мне сюжетов – о том, как Тарле столь умело представил различные части его студенческой работы, что она стала стройной и логичной. А вот эпизод, запомнившийся мне еще с аспирантских времен. Я у Льва Ефимовича дома, в хорошо знакомом многим его кабинете. Мы обсуждаем вопросы моей кандидатской диссертации (о межпартийных отношениях в Германии в период так называемого бюловского блока). Речь зашла о положении немецких рабочих. Лев Ефимович вспомнил некогда высказанное Тарле суждение о том, что накануне Первой мировой войны рабочие в Германии материально жили лучше, чем в других европейских государствах, и это вызывало у него недоумение: почему им не жилось мирно?

Как-то я спросил Льва Ефимовича о том, в чем секрет огромной популярности Тарле как лектора. Он ответил, что Тарле читал свои лекции в спокойной ровной манере, красивым низким голосом, что он изящно и занимательно рассказывал о людях, событиях, обстоятельствах и это очень нравилось слушателям. И мне не составило труда сравнить лекции Тарле с лекциями самого Льва Ефимовича, в которых доминировали строгая логика исторических процессов, масштабные сопоставления, обилие неожиданных идей... и покоряющая кертмановская речь.

Говоря о роли Тарле в научном становлении Л. Е. Кертмана, нельзя не заметить некоторой общности их судеб в условиях господства тоталитарного сталинизма. В 1949 г. Лев Ефимович в ходе нараставшей борьбы с «безродным космополитизмом» был уволен из Киевского университета за «идейное сочувствие антипатриотическим выродкам» и оказался в Перми, где в 1952 г., будучи доцентом кафедры всеобщей истории университета, стал объектом острейших идейно-политических нападок и обвинений.

И последнее. В 1981 г. вышла книга «Из литературного наследия Е. В. Тарле». Лев Ефимович откликнулся на нее рецензией в одном из главных исторических журналов страны. Спустя какое-то время мне довелось быть в Москве, в доме старейшего историка В. М. Далина. Он охотно рассказывал о Н. М. Лукине, Е. В. Тарле, которых хорошо знал. Когда речь зашла о рецензии, Виктор Моисеевич восторженно сказал: «Какой умница Лев Ефимович! Вы его знаете?» Я негромко, но внутренне гордо ответил: «Это мой учитель». В 1987 г. Льва Ефимовича не стало. Книга «История культуры стран Европы и Америки» увидела свет уже после его смерти. Сарра Яковлевна подарила

мне ее, сделав следующую надпись: «Аркадию Беньяминовичу в память о Льве Ефимовиче, сначала – учителе, потом – друге. С. Я. 3.02.88».

Они были людьми одного поколения, почти ровесниками. Но один выбрал путь жестокой борьбы и в конечном счете стал «Великим Вождем», диктатором-тираном. Другой избрал путь Ученого-историка, который привел его к вершинам науки. До определенного времени их пути не сходились.

* * *

Евгений Викторович Тарле родился 27 октября (8 ноября) 1874 г. (хотя при жизни указывал свой возраст на год меньше) в Киеве, в семье владельца магазина готового платья. Дед будущего историка в молодые годы переселился в Россию из австрийского города Пресбурга (ныне Братислава), долгое время носившего венгерское название Пожонь и до середины XIX в. являвшегося крупнейшим центром венгерского еврейства. В этих местах издревле перемешивались евреи с Востока (из Хазарии), с Запада (ашкеназы) и Юга (сефарды) [Еврейская энциклопедия, с. 896]. Может быть, поэтому фамилия Тарле (с ударением на первом слоге) не похожа на привычные ашкеназские фамилии (хотя было немало людей, которые ставили ударение на последнем слоге, уверенные во французском происхождении историка).

В 1882 г. семье Тарле было предписано покинуть Киев, находившийся вне «черты еврейской оседлости». Она переселилась в причерноморский Херсон, город, некогда включенный в «черту оседлости» и посему более чем на четверть заселенный евреями. Но еврейская жизнь мало интересовала главу семейства. Он ассимилировался в русскую культуру и в соответствии с этим направлял воспитание и образование своих детей (трех сыновей и двух дочерей). В Херсоне будущий историк блестяще окончил гимназию и в 1892 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. Через год перевелся на такой же факультет Малороссийского университета в Киеве: здесь на Высших женских курсах училась его гимназическая любовь Ольга Михайлова. Накануне женитьбы на ней двадцатилетний Евгений Тарле, индифферентный к любой религии, принял православие. Это открыло ему возможность сделать научную карьеру, тем более что его заметил и опекал выдающийся специалист по новой истории стран Запада И. В. Луцкий.

После окончания университета в 1896 г. Тарле был оставлен при кафедре всеобщей истории «для приготовления к профессорскому званию». Его первая самостоятельная научная работа – «Дело Бабёфа» – была посвящена одному из французских идеологов революционного коммунизма конца XVIII в. А в магистерской диссертации «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» он стремился показать, по его собственным словам, «как создавались теории, наиболее отрицавшие действительность, наиболее с ней непримиримые».

Все это отражало общественно-политические взгляды молодого ученого, которому, как и многим его сверстникам по Киевскому университету (Н. Бердяеву, А. Луначарскому, Р. Залкинд-Землячке и др.), импонировал марксизм.

В апреле 1900 г. за участие в нелегальном собрании он был арестован, а затем выслан из Киева. Местом ссылки стала Варшава, где была закончена магистерская диссертация, защищенная в Киеве в 1901 г. С 1903 г. стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Здесь, в столице империи, в полную силу стало проявляться многогранное дарование молодого историка: прекрасный лектор и талантливый литератор, он в блестящей форме мог излагать сложнейшие вопросы истории, социологии, философии. Его многочисленные статьи с удовольствием печатали крупнейшие демократические журналы того времени.

Молодой ученый принял активное участие в революции 1905–1907 гг. Во время разгона демонстрации 18 октября 1905 г. получил удар саблей по голове, но рана, к счастью, оказалась неопасной. Его университетские и публичные лекции о революциях в Англии XVII в. и Франции XVIII в., о падении абсолютизма в Западной Европе были созвучны политическим настроениям демократических слоев студенчества и интеллигенции. В 1906 г. они вышли в виде книги «Падение абсолютизма в Западной Европе».

На основе опыта революции и участия в ней рабочих Тарле первый в мировой исторической науке обратился к изучению ранней истории французского рабочего класса. Результатом стали мо-

нографии «Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789–1799)» (1907) и «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (в 2 ч., 1909, 1911), которые в совокупности составили его докторскую диссертацию, защищенную в С.-Петербургском университете в 1911 г. Через два года выходит его монография «Континентальная блокада», в которой впервые исследовались экономическая политика Наполеона I и ее влияние на европейские государства. Эти труды сделали имя Тарле хорошо известным в научных кругах не только России, но и среди ученых Франции и других стран.

Политически он был связан с меньшевистским направлением социал-демократического движения, находился в добрых отношениях с Г. В. Плехановым и являлся консультантом фракции социал-демократических депутатов в III Государственной Думе. В годы Первой мировой войны занимал оборонческие позиции, будучи уверенным, что Россия, находясь в союзе с демократическими государствами, сама станет на путь демократии, а победа Германии приведет к торжеству реакции в Европе.

Февральскую революцию Тарле приветствовал; он призывал довести войну до победного конца и исключал возможность сепаратного мира, пока часть российской территории была оккупирована немцами. По поручению Временного правительства участвовал в работе Чрезвычайной следственной комиссии по делу бывших царских министров, секретарем которой был поэт А. Блок.

Захват власти большевиками оказался для Тарле неожиданным. Он не мог принять воцарившееся насилие, анархию, начало развала государства, а также Брестский мир. Но, подобно многим меньшевикам, он не призывал к борьбе с советской властью, видя в ней власть введенного в заблуждение рабочего класса. В годы Гражданской войны бедствовал, но на лестные предложения из-за границы отвечал отказом. Откликом на отвергаемый им массовый террор большевиков стал выпуск двухтомного сборника документов «Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции» (1918–1919). Не прерывая чтения лекций в Петроградском университете, постепенно включался в исследовательскую работу в рамках новых научных учреждений. В 1921 г. был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1927 стал действительным членом той же академии, к тому времени АН СССР. В 1927 г. выпустил книгу «Европа в эпоху империализма». В ней он, обращаясь к предыстории и причинам мировой войны, подчеркивал агрессивную роль Германии. За это был подвергнут резким нападениям со стороны «патриарха» марксистских историков М. Н. Покровского, который относил Тарле к буржуазным историкам – «попутчикам». В 1929 г. закончил книгу «Жерминаль и Прериаль» – о рабочих выступлениях во Франции в годы термидорианского правления (1794–1799), когда к власти добрались некоторые вчерашние якобинцы – ренегаты, казнокрады и взяточники, отличавшиеся циничным отношением к нуждам народных масс. Обстановка в стране к тому времени многим историкам напоминала Термидор. Книга надолго застряла в издательстве (вышла в 1939 г.).

К рубежу 1930-х гг. Тарле приобрел репутацию самого плодовитого и талантливого историка страны, хотя по меркам «историков-марксистов» он считался «попутчиком». Его труды и он лично были хорошо известны на Западе, особенно во Франции. Он по праву занял место первого Историка страны [Чапкевич, 1994, с. 5–86].

К этому же времени на вершине власти в государстве, подавив конкурентов и противников и установив личную диктатуру, оказался И. Сталин, провозглашаемый великим Вождем. И судьба Историка оказалась всецело в руках Вождя...

* * *

29 января 1930 г. Тарле был арестован. Первоначально он должен был проходить по сфабрикованному Шахтинскому делу, в котором его имя упоминалось в качестве предполагавшегося министра иностранных дел в контрреволюционном правительстве России. Но вскоре он оказался одной из ключевых фигур другого сфабрикованного дела – так называемого Академического дела. Предлогом для появления этого «дела» стал тот факт, что на выборах новых членов Академии наук СССР в январе 1929 г. были забаллотированы некоторые рекомендованные партийным руководством ученые-коммунисты. И, хотя вскоре под давлением власти, в нарушение устава академии, их избрали, была создана правительственная комиссия, которая нашла «криминал»: в Библиотеке Академии наук (БАН) в Ленинграде были обнаружены подлинник отречения от престола Николая II, личные фонды некоторых царских сановников и лидеров кадетской партии. И, хотя для «компетентных органов» это не было секретом, Политбюро ЦК ВКП (б) 5 ноября 1929 г. постановило пре-

дать суду причастных к этому делу лиц. Аресту подверглись более ста ученых преимущественно старой школы, среди них ряд академиков, членов-корреспондентов, профессоров столичных и некоторых провинциальных научных учреждений и вузов. Всем им было предъявлено обвинение в принадлежности к мифическому «Всенародному союзу борьбы за возрождение свободной России», который якобы ставил своей целью свержение советской власти и установление конституционной монархии. Обвиняемых с помощью шантажа и угроз принуждали подписывать показания, которые соответствовали составленному в ГПУ сценарию [Академическое дело, 1993].

Тарле был в числе ведущих фигурантов «дела». Он обвинялся в том, что, неоднократно бывая во Франции, вошел в преступные контакты с крупными государственными деятелями Пуанкаре и Брианом с целью склонить их к организации интервенции против СССР, что он вступил в сношения с Ватиканом и получил от папы Пия XI деньги для контрреволюционной деятельности, что он намеревался занять пост министра иностранных дел в новом правительстве России. Страдая от почечных болей, опасаясь за судьбу близких (уже была арестована его сестра) и понимая бессмысленность препирательств, Тарле подписал все эти обвинения [Чапкевич, 1994, с. 90].

Тем временем среди «историков-марксистов», в числе которых были и его ученики, развернулась кампания по обвинению Тарле в преднамеренной фальсификации истории. Материалы этой проработки вышли отдельной книжицей под хлестким названием «Классовый враг на историческом фронте» [Классовый враг..., 1931]. В феврале 1931 г. Тарле и другие академики, проходившие по делу, были исключены из состава академии. Сидя в печально знаменитом ленинградском Доме предварительного заключения и ожидая показательного процесса, он готовился к самому худшему...

* * *

Но ожидавшегося громкого судебного процесса не последовало. Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. все обвиняемые по Академическому делу во внесудебном порядке были сосланы в города Поволжья, Урала, Казахстана и Средней Азии. Тарле была назначена ссылка в Алма-Ату сроком на 5 лет. (В этом городе незадолго до Тарле находился в ссылке Лев Троцкий). Такое «мягкое» наказание вскоре нашло свое объяснение. Вождь хотел сначала напугать, а затем «приручить» ученых старой школы, многие из которых были государственниками и могли пригодиться ему в готовившейся им переориентации изучения и преподавания истории с сугубо интернационалистских на национально-патриотические позиции. Это касалось прежде всего таких историков, как Тарле.

По прибытии в Алма-Ату Историка ожидал сюрприз: секретарем крайкома КП(б) Казахстана в то время являлся Филипп Исаевич (Шая Исакович) Голощекин (сыгравший в 1918 г. не последнюю роль в организации убийства царской семьи в Екатеринбурге), который знал Тарле по революционным событиям 1905 г. и даже был одним из вдохновителей забастовки студентов против его увольнения. Последовало быстрое решение о назначении Историка профессором местного университета; ему были созданы сносные бытовые условия.

Тем временем в защиту Тарле выступили виднейшие французские историки (М. Блок, А. Матъез, П. Ренувен и др.) и бывший премьер-министр Франции Э. Эррио, сыгравший большую роль в признании СССР в 1924 г. Сам Тарле настойчиво обращался в высокие инстанции с отказом от своих показаний во время следствия. В марте 1932 г. к нему специально приезжал член Верховного суда СССР А. А. Сольц, в те годы имевший репутацию защитника невинно осужденных. Но не он решил судьбу Историка...

* * *

В сентябре 1932 г. Тарле неожиданно получил освобождение из ссылки и разрешение жить в обеих столицах. В Москве он сразу же был ласково принят сменившим А. В. Луначарского новым наркомом просвещения А. С. Бубновым и включен в комиссию по перестройке преподавания истории. Он был восстановлен в должности профессора Ленинградского университета и одновременно получил такую же должность в Московском университете. Ему были «пожалованы» сразу две роскошные квартиры – в Ленинграде на Дворцовой набережной часть бывших апартаментов графа С. Ю. Витте и в Москве на улице Серафимовича (в «доме на Набережной») [Каганович, 1993, с. 84–99]. Но теперь Историк прекрасно понимал свою полную зависимость от власти и особенно от Вождя. Отныне он подчеркивал свою приверженность марксизму, преданность режиму и готовность служить ему. Лишенный возможности регулярно выезжать за границу, как это было до

1914 г. и в 1920-е гг., Тарле был вынужден ограничиваться отечественными архивами и книгохранилищами. На их основе он в 1935–1936 гг. готовил книгу «Наполеон», к которой проявлял интерес сам Вождь, намеревавшийся стать ее первым читателем. Выход книги из печати в 1936 г. вызвал настоящий ажиотаж: яркое изображение личности Наполеона и его окружения, занимательное описание событий, великолепный литературный язык делали ее привлекательной не только для специалистов, но и для массового читателя [Майский, 1971, с. 565]. Образ французского императора явно понравился и Вождю, который не мог не увидеть сходство судеб. Имя Тарле преобрело небывало широкую популярность.

Но ничто не вечно под... Вождем. Гром грянул внезапно: утром 10 июня 1937 г. Историк прочитал в «Правде» и «Известиях» разгромные статьи. В них автор «Наполеона» объявлялся «изолгавшимся контрреволюционным публицистом, который в угоду троцкистам преднамеренно фальсифицирует историю». Дело заключалось в том, что «Наполеон» вышел под редакцией уже репрессированного К. Б. Радека, а книгу публично похвалил Н. И. Бухарин. В ситуации кровавого 1937 г. можно было ожидать самого худшего. Смертельно перепуганный историк в тот же день обратился к Вождю. И наутро следующего дня в тех же газетах под рубрикой «От редакции» критика была дезавуирована, с автора обвинения снимались, поскольку он якобы не является марксистом, а за ошибки, как указывалось, должны нести ответственность «небезызвестный двурушник Радек, редактировавший книгу, и издательство...»

Тарле понял, от кого исходила и жесткая критика, и милостивое прощение. Ничего не оставалось, как более преданно служить Вождю. И он начал служить. Примеры тому – его статьи «О буржуазной демократии и новой Конституции СССР», «Вопросы международной политики и Краткий курс истории ВКП(б)», содержавшие типичные для того времени неумеренные восхваления «государственной мудрости» Вождя. Положение Историка стабилизировалось: в 1938 г. ему было возвращено звание академика, еще раньше снята судимость. Следующая книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (1938) была выдержана в национально-патриотическом духе и идеологически соответствовала официальному настрою.

Талантливым ответом Историка на высказанную после Мюнхена (осень 1938 г.) Вождем мысль о продажности буржуазных дипломатов стала книга «Галейран» (1939) – о знаменитом французском политике, успешно служившем всем режимам в период Великой революции и после нее, обладавшем выдающимся дарованием и одновременно непомерными беспринципностью и корыстолюбием. В это же время Тарле приступил к работе над «Крымской войной», в которой против России действовали Англия и Франция; отношения с ними после Мюнхена и пакта с Гитлером (август 1939 г.) значительно ухудшились. Оба тома этого исследования вышли в годы войны с Германией (1941 и 1943), при этом актуально звучало описание во втором томе первой, героической, обороны Севастополя.

В конце 30-х гг. Тарле занял лидирующие позиции в советской исторической науке. Ему поручались подготовка ответственных разделов и редактирование таких важных в идейно-политическом отношении изданий, как первый учебник по Новой истории для вузов, капитальный коллективный труд о Французской революции XVIII в. и др. [Дунаевский, Цфасман, 1987, с. 173]. Изменилось многое в нем, в том числе манера поведения. Писатель Е. Шварц, часто общавшийся с Тарле в те годы, оставил такую дневниковую запись: «Он успел уже замкнуться в условные формы: академик, большой ученый. Так, вероятно, принимали при дворе. От всего, что он говорил, веяло ледяным холодом чистой формы. Впрочем, исходило это не от сознания своего величия, а от смертельного страха. Он был в свое время арестован и приговорен к смерти, а потом освобожден. И жил в поле зрения того, от кого зависит и честь, и позор, и жизнь, и казнь».

* * *

В годы войны Вождь еще более приблизил Историка к себе. Эвакуированный в Казань, он получил в свое распоряжение салон-вагон, в котором разъезжал по стране с лекциями и докладами. Он публиковал патриотические статьи в советских и зарубежных изданиях. Писал главы для иницированной Вождем «Истории дипломатии», причем, как сам подчеркивал в письме к секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову, «по прямо выраженному мне желанию Иосифа Виссарионовича». Он являлся консультантом по вопросам международных отношений высоких чинов наркомата иностранных дел и самого Вождя. Эта близость к нему позволила Тарле первым среди советских историков уловить нараставшие державно-имперские настроения Вождя (который, кстати, готовился к

новым территориальным приращением после победоносного окончания войны). Уже в 1943–1944 гг. в ряде выступлений Тарле стал оправдывать захватнически-колониальную политику русских царей; он говорил о прогрессивном значении присоединения других народов к империи, благодаря чему они получили возможность счастливо жить в составе СССР (что особенно «почувствовали» депортируемые именно в эти годы народы).

Вместе с тем Историк, очевидно, не сумев в полной мере уловить тенденции нараставшего государственного антисемитизма, 14 марта 1945 г. совершил необычный шаг: присутствовал на поминальной молитве по евреям – жертвам гитлеровского геноцида в главной синагоге Москвы [Костырченко, 2001, с. 587].

* * *

Первые послевоенные годы Тарле мог воспринимать как самые благоприятные. Вождь явно был к нему предрасположен. Историк был удостоен трех Сталинских премий (в 1942, 1943 и 1946 гг.) и нескольких самых высоких орденов. Ему поручались ответственные задания вроде статьи о «фальсификациях истории второй мировой войны англо-американскими историками», в которой Тарле со злым сарказмом отзывался о выпущенном Государственным департаментом США в 1948 г. сборнике документов «Нацистско-советские отношения в 1939–1941 гг.» Одновременно его авторитет среди историков и популярность среди читающей публики были необычайно велики. Главные его научные сочинения этих лет были посвящены русской патриотической тематике. Среди них блестящая по форме трилогия об экспедициях русского военного флота в Средиземное море в конце XVIII – начале XIX в. и роли в его победах А. Орлова и Ф. Ушакова; последнего Историк вполне в духе начавшейся в те годы кампании за «русские приоритеты» ставил выше английского адмирала Г. Нельсона.

Вождь ценил книги Тарле по военной истории. В эти годы он задумал фундаментальную трилогию «Россия в борьбе с агрессорами в XVIII–XX вв.» Первую ее часть планировалось посвятить борьбе против шведов и роли в ней Петра I, вторую – разгрому наполеоновской армии и роли в нем Кутузова, третья же, главная, часть должна была воспеть борьбу против гитлеровского нашествия под руководством великого Вождя. Автором этой трилогии мог быть только первый Историк страны. И он это хорошо понимал, о чем писал своему коллеге академику В. П. Волгину: «Тема этих трех томов о трех нашествиях не мной признана спешной и нужной в наше время, и ни в малейшей степени не моя инициатива была в том, что их предложили писать мне. <...> Есть предложения, от которых не отказываются» [Чапкевич, 1994, с. 158].

Первый том трилогии был закончен в 1949 г. и сдан в издательство, но, к удивлению автора, его не спешили выпускать. Тарле готовил второй том, благо в его основу должны были войти прежние книги о Наполеоне и его нашествии на Россию. Но ему дали понять, что Вождь желает видеть вначале завершающий том. В своем отчете о научной работе за 1949 г. Тарле писал: «Начал собирание и классификацию материалов по теме исследования „Россия в борьбе с агрессорами в XVIII–XX вв.“, предпринятого мной по инициативе высшего руководства ВКП(б), – именно о „Немецко-фашистском нашествии на Россию“. Эта тема признана более спешной, чем вторая (о 1812 годе)...»

Однако Тарле не спешил с написанием третьего тома, понимая всю сложность предстоящей работы. Тогда было решено одернуть Историка. Атмосфера для этого была благоприятной: по стране широко расходились круги от начавшейся «борьбы с безродными космополитами». Его «французообразная» фамилия «склонялась» в ряду других «космополитических» фамилий историков – Н. Л. Рубинштейна, О. Л. Вайнштейна, Л. И. Зубока – в постановлении секретариата ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1949 г. «О недостатках в работе Института истории АН СССР» [Костырченко, 2001, с. 587]. Затем был нанесен по нему удар в области, в которой особенно авторитетно звучало его имя, – история войны 1812 г. «Дирижером» развернувшейся против Историка кампании, без сомнения, был сам Вождь. Ему очень понравилась идея молодого военного историка П. Жилина (впоследствии генерал-лейтенанта и директора Института военной истории Министерства обороны СССР) о том, что в войне 1812 г. Кутузов заманил Наполеона в глубь страны, а затем умелым контраступлением изгнал его. Так и Сталин, как утверждал этот историк, «по примеру Кутузова заманил гитлеровцев под Москву, а не они загнали нашу армию к столице». Таким образом, Вождь изображался величайшим стратегом, а трагические поражения 1941 г. находили «научное обоснование». В кампанию «разоблачения» Тарле, которого обвиняли в фальсификации истории войны

1812 г. и роли в ней Кутузова, наряду с Жилиным включились и другие, преимущественно третьестепенные историки. За этим последовали обсуждения «ошибок» и «фальсификаций» Историка в различных научных и учебных заведениях страны. (Автору этих строк известен достоверный случай, когда в Челябинском пединституте был «заклеймен» студент за то, что в своей курсовой работе придерживался точки зрения Тарле. Под угрозой исключения он был вынужден покинуть институт и завершить образование в вузе другого города).

Чувствуя себя затравленным, лишенный возможности выступать с возражениями, Историк 15 сентября 1951 г. обратился к Вождю с письмом, к которому приложил копию своей статьи с ответом на обвинения в «фальсификациях». В письме говорилось: «Для меня ясно, что без Вашего содействия это... мое письмо в редакцию журнала «Большевик» напечатано не будет». Вождь отреагировал краткой резолюцией: «м.б. напечатано». Статья Тарле была опубликована, но в редакционном комментарии к ней позиция автора была поддержана лишь в малой мере [Чапкевич, 1994, с. 164–167]. Чтобы как-то оправдаться, Тарле спешно написал большую статью «М. И. Кутузов – полководец и дипломат», в которой представил идеализированный образ полководца. Однако покаяние Историка не спасло его от последующей критики. Не исключено, что в обстановке развернувшегося с января 1953 г. «дела врачей» она могла набрать новые обороты. Во всяком случае, Историк все более чувствовал, что в его научной дискриминации была и антисемитская составляющая. Находясь в преклонном возрасте, он стал менее осторожным и в кругу близких людей осуждал власть за то, что она не сделала необходимых усилий по спасению еврейского населения от нацистской оккупации, что она замалчивает тему гитлеровского геноцида евреев, что антисемитизм становится составной частью официальной идеологии. А во время «дела врачей» Тарле неоднократно говорил о возможной депортации евреев наподобие той, что проводилась во время и после войны в отношении многих «малых народов» [Краткая еврейская энциклопедия, 1996, ст. 758].

* * *

...5 марта 1953 г. Вождя не стало. На следующий день Тарле, выполняя поручение властей, выступил на траурном собрании преподавателей и студентов исторического факультета Ленинградского университета. Его красивый бас звучал печально и торжественно. Но о чем он думал при этом? Ясно одно: он понимал, что теперь он освобождался от многолетней и унижительной зависимости. Но его силы и жизнь были уже на исходе. Историка не стало 6 января 1955 г. Но остались его многочисленные труды и память о нем как о самом читаемом и почитаемом российском историке XX века.

Вместо послесловия

Лев Ефимович любил дарить свои новые книги. Подписывая их, он всегда находил неожиданные и приятные слова. В 1968 г. свою книжечку для будущих историков «Пульс эпох» он сопроводил следующей надписью: «Дорогому Аркадию. Кажется, эта брошюрка написана в том стилистическом ключе, который я тщетно пытался вытравить у Вас!» Вытравил или нет, я не знаю до сих пор.

Примечания

¹ Данная статья является дополненным вариантом научно-популярной статьи автора, опубликованной к 135-летию со дня рождения Е. Тарле в ежемесячной «Еврейской газете» (Берлин) в октябре 2009 (№ 10).

Библиографический список

- «Академическое дело» 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1.
Дунаевский В. А., Цфасман А. Б. Николай Михайлович Лукин. М., 1987.
Еврейская энциклопедия. СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон. Б. г. Т. 12.
Каганович Б. С. К биографии Е. В. Тарле (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Отеч. история. 1993. № 4.
Классовый враг на историческом фронте. М.; Л., 1931.
Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.
Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8.
Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971.
Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо. Жизнь и деятельность академика Е. В. Тарле. Орел, 1994.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.06.2012

HISTORIAN AND VOZHD: EVERYDAY LIFE AND ACADEMIC COLLISIONS IN THE LIFE OF AN ACADEMICIAN E. V. TARLE IN STALIN REGIME

A. B. Tsfasman

Lessingstr. 21, 18055, Rostock, Germany
arbenc@mail.ru

The article describes professional career of a Soviet historian E. V. Tarle. Evgeny Viktorovich Tarle (1874–1955) was born in an assimilated Jewish family; he received a good education first in a Gymnasium, then at the University being a disciple of I. Luchitsky. He defended his Master and Doctoral thesis, gave lectures in a number of the universities in Russia. E. V. Tarle supported Social Democrats, participated in the 1905–1907 Revolution. He became one of the most distinguished historians of the country (a member of the USSR Academy of Sciences since 1927) thanks to his pioneering scientific works in early history of French working class, continental blockage and others. He had mixed feelings towards Bolsheviks. In 1930 he was arrested over so called «Academic Case» and sent into exile to Kazakhstan. Later in 1930s, having reconciled with the state power and being kindly treated by it, he published a number of books which were approved of by Stalin («Napoleon», «Napoleon Invasion of Russia», «Taleiran» and others). In the period of the war (1941–1945) and the first post-war years Vozhd (Leader) recognized E. Tarle as a great historian and made him an authoritative person. At that time Tarle wrote a number of apologetic articles. However, Stalin was frustrated by the fact, that the historian procrastinated on writing a book about Vozhd's «outstanding» role played in Fascism destruction, as a result Stalin initiated a scientific discrediting of Tarle, that happened at the same time with anti-Semite campaign against «rootless cosmopolitans». Tarle had to accept all his wrong deeds, ask Vozhd to forgive him and write works approved of by the power. Stalin's death (March, 1953) let Tarle be less dependent on the ruling power.

Key words: L. Kertman, E. Tarle, I. Stalin, «Academic Case», Napoleon, «struggle with rootles cosmopolitans».

References

- «Akademicheskoe delo» 1929–1931 godov. St. Petersburg, 1993. Iss. 1.
Chapkevich E. I. Poka iz ruk ne vypalo pero. Zhizn i deyatelnost akademika E. V. Tarle. Orel, 1994. P. 5–86, 90, 158, 164–167.
Dunaevsky V. A., Tsfasman A. B. Nikolay Mikhaylovich Lukin. Moscow, 1987. P. 173.
Evreiskaya entsiklopediya. St. Petersburg: Izd-vo Brokgauz-Efron. Vol. 12. P. 896.
Kaganovich B. S. K biografii E. V. Tarle (Konets 20-kh – nachalo 30-kh godov) // Otechestvennaya istoriya. 1993. No. 4. P. 84–99.
Klassovyy vrag na istoricheskom fronte. Moscow; Leningrad, 1931.
Kostyrchenko G. V. Taynaya politika Stalina. Vlast i antisemitizm. Moscow, 2001. P. 587.
Kratkaya evreyskaya entsiklopediya. Ierusalim, 1996. Vol. 8. Col. 758.
Maisky I. M. Vospominaniya sovetского diplomata. Moscow, 1971. P. 565.